

УДК 94(57)+94(574)"13/16"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158

ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIII–XVI вв.

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

Цель: выявить этапы и последствия процесса исламизации населения юга Западной Сибири в XIII–XVI вв.

Материалы исследования: работа проведена на основе анализа опубликованных источников: летописи, хроники, посольские документы, грамоты и договора записки путешественников, данные археологии этнографии.

Результаты и научная новизна: в историографии сибирского ислама традиционно ведущую роль в процессе его принятия тюрко-татарскими группами отводится фигуре хана Кучума. Предшествующие попытки введения этой религии, как правило, рассматриваются довольно поверхностно. Автор статьи считает, что отрывать первое от второго, если рассматривать исламизацию как процесс, не целесообразно и чревато непониманием его некоторых последствий. Знакомство населения рассматриваемой эпохи с исламом следует начинать еще с предмонгольским временем и кочеванием на этой территории тюркоязычных кочевников, знакомых с культурой Центральной Азии. Целенаправленные попытки внедрить эту веру связаны с деятельностью потомков Шибана б. Джучи, в улус которых входили западные земли рассматриваемого региона. Они напрямую вписываются в соответствующие тенденции в центральных землях Улуса Джучи, особенно в период хана Узбека. Немаловажным фактором было существование зимовок Шибанидов на Сыр-дарье, где ислам имел традиционно сильные позиции. Таким образом, существовало два потенциальных центра введения ислама на сибирских землях (Поволжье и Центральная Азия), которые также оказывали и экономическое влияние на владения Шибанидов. Последствия деятельности мусульманских проповедников были неоднозначными: с одной стороны, произошли столкновения на религиозной почве, с другой, на сибирской периферии явно сохранили свои позиции иные конфессии, в частности буддизм. С началом шибанидской государственности в Узбекском ханстве, а также сменившем его в интересующем нас регионе Тюменском и Сибирском ханствах, династы начинают целенаправленно поддерживать мусульманскую общину, что выражается в именовании аристократии, наличии сейидов и хафизов при ханском дворе, проведением хутбы и сикка при интронизации правителей. Очевидно, что это говорит о большом значении этой общины в поддержке власти хана. Представляется, что косвенные данные позволяют говорить о том, что к концу XV века ислам приняли не только представители элиты, но и рядовые кочевники. Однако, произошедший в начале XVI века кризис местной государственности династии Шибанидов стал фактором ухода ханов и поддерживающих их кочевых групп на Сырдарью и в Приарале, что привело к значительному уменьшению числа местных мусульман и разрыву в культурных традициях. При этом после 1563 года новые сибирские ханы Ахмад-Гирей и Кучум столкнулись с проблемой введения ислама на территории Сибирской земли по Иртышу, которая ранее напрямую не подчинялась ханской власти. В результате начался новый этап исламизации, которая при этом коснулась именно новых групп населения, подчиненных ханской власти.

Ключевые слова: Шибаниды, Тюменское ханство, Сибирское ханство, ислам, Западная Сибирь

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения Юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158

THE ISLAMIZATION PROCESS OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 13TH–16TH CENTURIES

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

Abstract: *Research objective:* To identify the stages and consequences of the Islamization process of the population of the south of Western Siberia in the 13th–16th centuries.

Research material: The research work was conducted on the basis of analysis of published sources: annals, chronicles, ambassadorial documents, missive letters and contracts, travellers' notes, archaeological and ethnographical materials.

Results and novelty of the research: Historiography of Siberian Islam traditionally considers Kuchum Khan as the central figure in the process of Islamization of local Turkic-Tatar groups. As a rule, previous attempts at establishing Islam there are considered rather superficially. The author of the article believes that it is inappropriate to take the first from the second when considering the process of Islamization and lacking an understanding of some of its consequences. The acquaintance of the population with Islam began in the pre-Mongol period due to the presence in this territory of Turkic nomads familiar with the culture of Central Asia. Purposeful attempts to establish this religion were connected with the activities of the descendants of Shiban ibn Jochi in the ulus of which the western lands of the region under consideration were included. They directly fit into the corresponding trends in the central lands of the ulus of Jochi, especially during the period of Uzbek Khan. The existence of the wintering camps of the Shibanids on the Syr Darya, where Islam had a traditionally strong position, was an important factor. Thus, there were two potential centers for the introduction of Islam into Siberian lands (the Volga region and Central Asia), which had an economic impact on the Shibanid domain. The consequences of the activities of Muslim preachers were ambiguous. On the one hand, there were clashes on religious grounds, but on the other, alternative faiths, in particular Buddhism, clearly retained their positions on the Siberian periphery. With the beginning of Shibanid statehood in the form of the Uzbek Khanate, as well as its heirs in the region – the Tyumen and Siberian Khanates – the dynasty began to purposefully support the Muslim community, something expressed in the vocabulary of the aristocracy, the presence of seyids and hafizes at the khan's court, hutba's and sikka's implementations during the enthronement of the rulers. Obviously, this indicates the great importance of this community in supporting the power of the khan. Indirect evidence suggests that by the end of the fifteenth century, Islam was accepted not only by representatives of the elite, but also by ordinary nomads. However, the crisis of the local statehood of the Shibanid dynasty at the beginning of the sixteenth century became a factor in the departure of the khans and their supporting nomadic groups to the Syr Darya and the Aral Sea region. This led to a significant decrease in the number of local

Muslims and a break in cultural traditions. Moreover, after 1563, the new Siberian khans, Ahmad Giray and Kuchum, faced the problem of sowing Islam in the territory of Siberia along the Irtysh which had not previously been directly subordinate to the khanate. The result was a new stage of Islamization which at the same time affected precisely the new groups of the population subordinated to the khan's power.

Keywords: Shibanids, Tyumen khanate, Siberian khanate, Islam, Western Siberia

For citation: Maslyuzhenko D.N. The Islamization Process of the Population of the South of Western Siberia in the 13th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 131–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158

Больше 20 лет назад В.И. Соболев написал: «Вопросу исламизации населения Западной Сибири в научной работе практически не уделялось внимания. В основном изучению подвергались проблемы традиционных религиозных обрядов и верований. Существующей ситуации есть вполне объективное объяснение – отсутствие в настоящее время широкой источниковой базы» [59, с. 140]. С тех пор по истории ислама в Западной Сибири было написано несколько десятков работ, которые значительно изменили наше понимание роли этой религии в период русского присоединения и освоения региона, но при этом почти ничего не дали относительно именно позднесредневекового этапа. В этом отношении вполне правы С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко, которые указали, что «в настоящий момент круг источников по этой проблеме, прежде всего археологических, по-прежнему сильно ограничен и пока перспективы по его расширению достаточно проблематичны. Источниковая база наиболее хорошо разработана в историко-этнографическом плане...» [62, с. 799]. Впрочем, практически аналогичная ситуация складывается и с письменными источниками по этой теме.

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе необходимо сам процесс исламизации рассматривать именно в широком географическом контексте Западной Сибири (Западно-Сибирская равнина), а не только Тоболо-Иртышского региона, где имеются несколько десятков объектов типа «астана». Они отражают процесс формирования культов местнотимых аулия, которые довольно неплохо увязываются с соответствующими шежере и современной локализацией мусульманских групп сибирских татар. Однако при этом по большей части игнорируются возможные связи этих процессов с протекавшими на юго-западе того же региона (Южный Урал и т.н. «Южное Зауралье»). Делая это, мы забываем о том, что в рассматриваемое время все эти земли последовательно входили в состав Монгольской империи и Улуса Джучи, а затем в состав Узбекского, Тюменского и Сибирского ханств Шибанидов. При этом в свою очередь последние делили юго-западные земли ханств со своими союзниками и родственниками из Ногайской Орды. В силу этого протекавшие здесь процессы, в том числе религиозные, должны были иметь некоторые общие закономерности. Однако они могли крайне неравномерно распространяться как в социальном, так и территориальном плане.

В период позднего средневековья, при всей относительной применимости этого термина к исследуемому пространству, большинство тюркских и татарских групп на юге Западной Сибири прошли через длительный процесс исламизации, который вошел в свою завершающую стадию в XVII

веке. Исламизация может рассматриваться как постепенный процесс принятия обществом ислама, то есть его символики, ритуалов, вероучения и других элементов, тем самым формируя условия для интеграции мусульманских институтов в политическую, социальную и культурную среду. Итогом этих процессов становится формирование местной уммы. С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко определили этот процесс еще более точным набором признаков: «Свидетельством того, что население изучаемой территории исповедует определенную религию (устойчивую мировоззренческую систему), являются целый ряд данных, получаемых из различных по характеру источников. К ним нами отнесены сведения о: наличии общины верующих при достаточном количестве взрослого мужского населения; храмовых комплексов для совершения служб; данные о надмогильных и внутримогильных сооружениях и конструкциях, возможно и о глубине могил; данные о мировоззренческих представлениях, например, об окружающем мире, месте человека в нем, о жизненном пути человека, его начале и конце; лингвистические данные, например, о терминах, характеризующих те или иные стороны погребального обряда» [62, с. 803]. Однако имеющиеся у нас на данный момент источники по XIII–XVI векам не позволяют провести подобную работу.

Для населения периферийных территорий, в том числе Западной Сибири, в этом процессе и его результатах могут возникать различные особенности. Недаром А.Г. и И.А. Селезневые определяют сибирский ислам как региональный вариант религиозного синкретизма, то есть «теснейшее переплетение различных религиозных и культурных традиций» [57, с. 3]. В средние века эта специфика могла усугубляться сохранением у сибирских тюрко-татарских групп кочевого образа жизни, который не способствовал распространению знаний об исламе, как и практическому применению его канонов. Тем более, что подобные отклонения были вполне допустимы в рамках доминирующего в Западной Сибири ханафитского мазхаба суннитского толка ислама.

На данный момент чрезвычайно сложно определить начальный этап и исходную территорию принятия ислама в Западной Сибири. Они в равной степени могли быть связаны как с имеющимися торговыми связями лесостепного населения с Приуральем, где проникновение ислама в среду местных кочевников облегчалось влиянием Волжской Булгарии, так и с городами Центральной Азии. Понятно, что ислам мог оказать влияние, прежде всего, именно на тюркоязычных кочевников, а не на их более северных угорских и самодийских соседей. Малочисленность археологических комплексов кочевников предмонгольского времени на рассматриваемой территории не позволяет решить вопрос о времени знакомства с исламом. Г.Н. Гарустович на территории Южного Зауралья насчитывает 4 грунтовых могильников (Замараевский, Верхнее-Спаский, Перегон, Большеказакбаевский 2), которые были оставлены чияликским населением. Для них характерны некоторые черты мусульманского погребального обряда: отсутствие курганных насыпей, индивидуальные погребения в позе вытянуто, неглубокие простые ямы, преимущественная ориентация умерших лицом к кыбле, практически полное отсутствие инвентаря. В тоже время все они датируются в достаточно широких хронологических рамках XII–XIV вв. [15, с. 62–65; 28, с. 445], что не позволяет привязать их к исторически выделяемым этапам проникновения ислама.

Отчасти распространение ислама могло быть связано и с перемещением на север кыпчакских племен, принявших эту религию на территории государства Хорезм-шахов. В процесс расширения границ Монгольской империи они были вынуждены отступить в северные степи и южные лесостепи Приуралья и Зауралья к т.н. «иштякам» [26, с. 44]. Скорее всего, кыпчаки стали суннитами ханафитского мазхаба, а некоторые предшествующие традиции обряда в результате сохранились как адаты. Кстати, в Хорезме была популярна поэзия суфия Ходжи Йасауи, который был одним из первых мусульманских мистиков, тюрком по происхождению, основателем тариката Йасавийа [6, с. 37]. На данный момент версия подобной миграции, основанная на одном письменном источнике, при всей ее привлекательности практически не подкрепляется археологическими данными. Кроме того, принятие некоторых внешних черт обрядности или сама деятельность проповедников еще не говорит о полноценном принятии ислама, необходимой чертой которого является формирование уммы (религиозной общины). Исходя из этого, необходимо говорить об этапах становления мусульманской культуры и расширения ее влияния в Западной Сибири, в том числе и в процессе взаимодействия с иными мировыми религиями.

Гораздо более значительным должно было быть влияние на рассматриваемый процесс именно золотоордынского этапа. В 1242–1243 гг. после окончания Западного похода по решению Бату, которое, скорее всего, в дальнейшем должно было быть согласовано с монгольским ханом Гуюком, в составе Улуса Джучи были выделены земли для его сыновей, в том числе одного из полководцев и брата Бату, Шибана. Именно этому Чингизиду было суждено стать основателем династии местных ханов XV – начала XVII вв., условно названных в историографии «сибирскими или тюменскими Шибанидами».

Традиционно в исторической науке территория владений Шибана рассматривается через призму описания, сделанного еще в начале XVII века его потомком, ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су» [1, с. 104]. В.П. Костюков считал, что после окончания европейской компании тумены Шибана должны были продолжать удерживать Венгрию, но уже в 1245 г. Плано Карпини фиксирует кочевья этого Джучида в восточной части Улуса [29, с. 177, прим. 30]. Исходя из этого, основные кочевья Шибана и его потомков располагались в Южном Приуралье и Зауралье, степных районах Северного и Западного, а также урбанизированных районах Центрального Казахстана. При этом В.П. Костюков делал осторожный вывод о том, что «степные и лесостепные пространства Западной Сибири являлись своеобразной рекреационной зоной» [27, с. 215–216]. При этом обратим внимание на то, что фиксируется четкое деление кочевий на летовки по реке Урал и ее притокам и зимовки по Сырдарье. Представляется немаловажным, что, несмотря на все изменения ордынского периода, потомки Шибана еще в 1370-е гг., то есть на пике Великой Замятни, сохраняли те же земли, то есть летом кочевали у вершин реки Урал, а зимовали в устье Сыра [1, с. 105].

На данный момент мы не располагаем точными данными о том, когда именно и как потомки Шибана стали контролировать весь юг Западной Сибири. Источники с определенной вероятностью позволяют говорить о том,

что, по крайней мере, до первой четверти XIV века земли Прииртышья входили в улус старшего из Джучидов – Орды-Ичена. Затем между 1380–1420 гг. большую роль на юге Западной Сибири играли потомки одного из младших братьев – Тукай-Гимура (Урус, Токтамыш, Шадибек, Чекре). Помимо этих династов, по крайней мере, с периода правления золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) ясачные земли Западной Сибири находились под прямым контролем судей и даруг из Чимги-Туры, а в первой четверти XV века еще и под влиянием мангытских мирз Едигеевичей [36, с. 15–21]. Таким образом, Западная Сибирь в золотоордынское время оказалась расколота на территории, подконтрольные абсолютно разным джучидским династам и назначенным администраторам. Это деление могло сказываться на некоторых аспектах внутренней политики, в том числе в ее религиозном аспекте.

При этом мы склонны считать, что проникновение ислама в Западную Сибирь, по всей видимости, велось именно через территории «улуса Шибана», то есть с юго-запада региона. Во-первых, он напрямую граничил с основными поволжскими территориями Золотой Орды, где и начинались процессы принятия ислама на уровне ханской власти. Сами Шибаниды были тесно связаны с династией Батуидов, часто выполняя при них роль полководцев [30]. Во-вторых, одновременно с этим представители династии во время своих зимовок на Сырдарье могли напрямую взаимодействовать с исламскими деятелями Центральной Азии. Представляется, что эти два нюанса могут опровергнуть версию Г.Н. Гарустовича медленного проникновения ислама во владения Шибанидов, основу военных отрядов которых во второй половине XIV века якобы составляли некие язычники-шаманисты [13, с. 94]. Однако эти же аспекты проблемы ставят вопросы о том, когда сами Шибаниды приняли ислам и насколько это принятие оказало влияние на связанных с ними кочевников, в том числе расположенных в местах летовок этих династов на Южном Урале и в степной части Юго-Западной Сибири.

В основе улуса Шибана были переданные ему за доблесть во время Западного похода четыре племени (кушчи, найман, карлык и буйрак), большинство из которых были центральноазиатского или монгольского происхождения [27, с. 218]. Это несколько уменьшает роль во владениях Шибана кыпчаков, в том числе принявших ислам, хотя при этом понятно, что они могли составлять значительную часть рядового населения. Практически полное отсутствие памятников золотоордынского времени в Южном Зауралье не позволяет решить данный вопрос. В последнее время к анализу перечня изначального состава улуса Шибана активно привлекают данные «Таварих-и гузида-йи Нусратнаме»: «Имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кият Бурулдай-бек, затем предок (букв. ‘дед’) Али-бека из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» [46, с. 231]. Заметно, что список этих кланов и ранее приведенный перечень по Абу-л-Гази не совпадают. Наиболее вероятно, что первый отражает состав владений Шибана после 1242–1243 гг., а второй – окружение данного Чингизида непосредственно в период похода. Представители этих кланов фиксируются в окружении Шибанидов и в дальнейшем, кроме, наверное, буйрак. Наиболее показательным является перечень степных аристократов из окружения Абу-л-Хайра в конце 1420–1440-х гг., среди которых были беки, мирзы и бахадурь из буркутов, дурманов, карлуков, конгратов, курлаутов,

кушчи, кыйатов, кытай, мангытов, найманов, тубай, тюменей, уйгуров, уйшинов, утарчи, чатов и ряда других [41, с. 16–17].

Эти списки показывают центральноазиатское и монгольское происхождение окружения Шибана и его первых потомков. При этом, по мнению В.П. Костюкова, помимо язычества, у найманов были распространены христианство в несторианской форме и буддизм, а у карлуков – ислам и несторианство [28, с. 445]. Подобное разнообразие религиозных верований (тенгризм или шаманизм, несторианство, буддизм, ислам) и веротерпимость вообще были характерным явлением Монгольской империи и Золотой Орды. При этом принятие той или иной мировой религии должно было отражаться и в погребальной обрядности. Однако большинство памятников «Улуса Шибана», то есть курганные могильники и каменные поминальные оградки с изваяниями, отражают именно языческие верования. При этом погребальная обрядность в рамках одного некрополя была довольно вариательной, что отражало многокомпонентный процесс складывания нового зауральского населения. На общем фоне выделяются отдельные погребения шаманов (курган у Третьего плеса в Челябинской области), представителей буддистской общины (погребение в кургане 3 могильника Сарбулат-2 в Челябинской области) [28, с. 450–451]. Личное принятие отдельными золотоордынскими ханами (Берке, Туда-Менгу) ислама не меняло общей ситуации в их окружении и тем более у степной аристократии, особенно на северной периферии этого пространства. Понятно, что мусульманское купечество играло довольно важную роль в торговле на территории Улуса Джучи, а отдельные представители этой религии были и в административном аппарате [12, с. 20–23].

Ситуация должна была значительно измениться только в период принятия ислама ханом Узбеком. Общим местом стало рассуждение о том, что переход Узбека в новую веру носил не только личный характер, но и, по сути, речь шла о стремлении утвердить ее как государственную религию, что соответствовало и тенденциям централизации власти при этом хане. Узбек пришел к власти при поддержке выходца из Хорезма и будущего беклярибека Кутлуг-Тимура и его братьев, а также многочисленной мусульманской общины во главе с хорезмским шейх-уль-ислам Имад ад-Дин ал-Маскири. Сам Узбек воспитывался в мусульманских традициях и до 1312 года некоторое время находился в Ургенче. В отличие от предшествующих близких ситуаций, приход к власти сопровождался не только казнями эмиров и вельмож, но и значительного числа уйгуров (буддистов), которые при Токте укрепили свое экономическое и политическое влияние в Улусе Джучи. В момент прихода к власти или сразу после этого сам Узбек стал мусульманином и обещал способствовать распространению этой веры, что обеспечило ему поддержку мусульманской общины. Однако дальнейшее распространение ислама было связано с противоборством с кочевыми аристократами, многие из которых, не вступая в противоречие с властью по политическим причинам, не хотели менять веру, считая, что хан не имеет право этого требовать. По всей видимости, это привело к казни части Чингизидов и сановников, а также к усилению власти назначенных правителем администраторов, среди которых были и муфтии, кадии и эмиры-темники. Судя по произведению XV века «Шаджарат аль-атрак», эта борьба за доминирование ислама растянулась на 7–8 лет, то есть до 1320–1321 гг. Значительную роль в ней сыграли Занги-Ата, Сейид-

Ата, Баба-Туклеса и другие суфии [22, с. 55–65; 52, с. 88–90]. Увеличение роли ислама в жизни ханской ставки и степной аристократии не привело к полному исчезновению иных религиозных конфессий. Например, при дворе Узбека были писцы-«бахши» из числа уйгуров-буддистов [22, с. 91]. При Узбеке и его наследниках сохранялись и многие привилегии Русской православной церкви [24, с. 109–112]. Такая политика вполне вписывалась в традиции свободы вероисповедания и веротерпимости монгольских ханов, установленные еще при Чингиз-хане и независимые от личной веры самого правителя [67, с. 235]. Гонения на буддистов вполне могли быть не столько свидетельством межрелигиозной, сколько политической борьбы двух партий за доминирование при ханском дворе.

Исламизация в Улусе Джучи при хане Узбеке традиционно связывается с деятельностью наследников Ходжи Ахмада ал-Йасави, ходжей и накибов Сайид-Ата и Занги-Ата из Хорезма [22, с. 61–73; 68, р.101–102]. Сайид-Ата часто рассматривается в качестве легендарного исламизатора всего Дешт-и Кыпчака. В Западной Сибири также известны мюрид основателя тариката Хаким-Ата (Сулейман Бакыргани из Ургенча) и его ученик Занги-Ата. С Хаким-Ата связана т.н. «Баишевская астана». Его деятельность описана в «Грамоте хранителя Юрумской астаны», ряде текстов о приходе в Сибирь из Бухары 366 шейхов и агиографических легендах, записанных в юртах Баишевских [58, с. 55–56]. В целом их упоминание в сибирских текстах говорит о роли представителей суфийского братства Йасавийа в процессе исламизации западносибирского населения. Однако имеющаяся информация не позволяет датировать сами события или хотя бы с большой степенью вероятности отнести их именно к золотоордынскому этапу исламизации юга Западной Сибири, кроме как путем проведения аналогий с синхронными процессами в Улусе Джучи.

Распространение новой веры, прежде всего, затронуло представителей золотоордынской элиты, что привело к отдельным проявлениям несогласия с этим, в том числе и военным столкновениям, в ее среде [19, с. 80–81]. Данная тенденция затронула и владения Шибанидов, тем более, что в ближайшем окружении Узбека был представитель этой семьи – Тама-Токта [52, с. 89]. Наиболее показательная в этом отношении фраза Махмуда бен Вали: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» [41, с. 348]. С позиции автора-мусульманина это отчасти можно трактовать именно как отражение процесса исламизации на территории владений Шибанидов под руководством Бадагула и возможно его гибели в результате сопротивления населения. Возможно, в нем участвовали и сами Шибаниды, в следствии чего их эль из четырехсоставного стал двусоставным [64, с. 104–105].

Косвенным подтверждением многообразия религиозной картины на юге Западной Сибири может быть информация миноритского брата Иоганки Венгра. Около 1320 г. он посетил с миссией территорию Баскардии, по одной из версий располагавшуюся в верховьях реки Камы [21, с. 9]. Иоганка сооб-

щает, что к управлявшим баскардами судьям из числа татар обратился некий посол от такого же судьи из страны Сибирь. Скорее всего, в это время данная страна располагалась к северу от владений Шибанидов и находилась под управлением судей, назначаемых непосредственно ханом Узбеком. Далее информатор пишет о том, что «...татары, судьи баскардов, которые не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли ее», но при этом баскарды оставались мусульманами. Интересно, что сибирский посол описывал, что там бога «чтят в виде стянутой с головы умершего человека кожи с волосами..., но при этом они признают христианского бога, которого почитают самым сильным». Судя по всему, крестил их неизвестный русский «схизматик», то есть православный священник, во время моровой эпидемии. Объяснялось это крещение якобы предвестием о том, что в ином случае люди в Сибири погибнут. Общее описание религиозной ситуации в Сибирской земле усложнялось приглашением послом латинских священников заново окрестить население этой земли [3, с. 92–94]. Имеется информация о том, что и в более раннее время несториане советовали делать это во время чумы для защиты от болезни, что не обязательно приводило к реальному принятию веры [55, с. 397, комм.].

Ибн Батута в 1330-е гг. писал о значительном числе мечетей, суфийских завийя (скитов), наличии многочисленных шейхов и дервишей в Улусе Джучи [22, с. 59]. Строительство мусульманской архитектуры, по всей видимости, началось и на территории владений Шибанидов. Ко времени Узбека относятся Варненский и Троицкий мавзолеи в Челябинской области, построенные из обожженного кирпича архитекторами среднеазиатской школы, которая в Улусе Джучи сформировалась под влиянием Хорезма. Они являются частью обширного проекта строительства таких сооружений в степях Волго-Уральского региона. Мавзолеи были семейными или индивидуальными усыпальницами аристократов, принявших ислам. Судя по специфике архитектуры и материальным затратам, речь должна была идти именно о высшем слое степной знати. Г.Н. Гарустович предположил, что постепенно эти сооружения могли становиться почитаемыми сакральными местами («аулия»). При этом данные усыпальницы были свидетелями переходного времени, когда ислам лишь осваивался местным населением. Это подтверждается наличием, например, в погребениях Варненского мавзолея, вещей, что противоречит канонам исламского погребального обряда [14, с. 96–109]. Представляется, что именно к этому времени должны относиться и часть ранее упомянутых мусульманских могильников чияликского населения.

По всей видимости, фактором роста исламского влияния могло быть и увеличение импорта вещей, связанных с арабо-мусульманской культурой, в частности зеркал XIV века, которые известны на территории различных частей Западной Сибири. Среди них встречаются артефакты с благожелательными арабскими надписями, изображениями говорящего «дерева Вак-вак», сфинксов или аль-бораков, растительными орнаментами [39, с. 69–75].

Несмотря на все сложности принятия ислама при хане Узбеке, эта религия стала к концу его правления неотъемлемой частью культуры населения Улуса Джучи, в особенности его аристократической части. Позиции ислама значительно укрепились в период правления его сына Джанибека (1342–1357 гг. правления), при котором обращен был «весь улус Узбека», разруше-

ны все капища идолов и продолжено строительство мечетей и медресе [19, с. 310–311]. При этом по мере удаления от центра государственной власти иные мировые религии имели значительные возможности сохранить свое влияние. Недаром Ибрахиму б. Пуладу, возглавившему «Улус Шибана» в период Великой Замятни, пришлось вновь поднимать «знамя религии и государства» и соскабливать «ржавчину отрицания и противодействия с зеркал (человеческих душ) жителей той области» [41, с. 348]. В.П. Костюков считал, что приверженность Шибанидов последней четверти XIV – начала XV века исламу может быть подтверждена популярностью среди них мусульманских имен [28, с. 454–455], что характерно и для последующего времени. В.И. Соболев указывал, что позиции ислама должны были укрепиться во время пребывания в Сибири золотоордынского хана Токтамышша [60, с. 288]. На наш взгляд, это довольно сложно подтвердить источниками. При этом и период его пребывания в Сибири был чрезвычайно кратковременным (после битвы при Ворскле в 1399 году и до гибели под Тюменью от рук Шадибека в 1406 году). Сомнительно, чтобы за столь малый срок он мог внести какой-то значимый вклад в процесс исламизации.

Исследователи истории сибирского ислама часто опираются на комплекс сибирских манускриптов, в том числе т.н. Тобольскую рукопись или Рукопись Катанова, которая является списком Карагайской рукописи, и списки шаджара сибирских суфиев [58, с. 39]. Однако А.К. Бустанов считает, что «легенда об исламизации Сибири – всего лишь образ того, как хотели видеть процесс распространения истинной веры мусульманские ученые XVII–XVIII вв.» [9, с. 225]. Вызывают сомнения попытки четко датировать поход 366 шейхов в Западную Сибирь именно 1394–1395 гг., а тем более стремление рассматривать эту дату как начальную для исламизации населения региона, поскольку изложенная в рукописях легенда содержит разновременные сюжеты. Так, в тексте указаны сразу представители двух орденов – Йасавийа и Накшбандийа, причем первые подчинены второму, что не фиксируется ранее второй половины XVI века. Причем Накшбандийа распространяется за пределами Центральной Азии только в XVII веке. Упомянутые в этих текстах в качестве современников политические и религиозные деятели в реальности не могли быть таковыми, поскольку годы их жизни разбросаны с середины XII до конца XIV веков. Имеющийся здесь образ «хана Шибана» может рассматриваться не только как реальное указание на самого Шибана, который не был ханом, или его потомка Мухаммада Шейбани, но и как обобщающий для Шибанидов в целом. Конечно, было бы весьма интересным доказать на материалах других источников, что часть событий относится к противостоянию тюменского хана Ибрахима и узбекского оглана Мухаммеда Шейбани в конце XV в., но пока этого не удается. Более логично выглядит соотнесение с периодом исламизации при хане Кучуме [32, с. 96–97]. Таким образом, создатели сибирско-татарских рукописей конструировали историческую действительность, вписывая в нее разновременные события, связанные с исламизацией населения юга Западной Сибири.

Несмотря на явное нарастание влияния ислама, довольно любопытный случай наблюдал в Сибири баварский солдат Иоганн Шильтбергер, который был здесь в отряде хана Чекре из Тукайтимуридов и мангытского бия Едигея

около 1412–1413 г. В своих воспоминаниях он позднее писал, что «люди в этой стране поклоняются Иисусу Христу подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеем и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в храмах их можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы этой веры называются уйгуры; они в Татарии встречается вообще много людей этой веры» [66, с. 35–36]. Традиционно принято считать, что уйгуры – это обозначение не только отдельного племени, но и буддистов в целом, что говорит о сохранении соответствующих религиозных общин на удалении от Сарая еще в начале XV века. Это еще один пример сохранения монгольской веротерпимости и возможного существования иных конфессий на периферии ордынского пространства.

Ислам получил значительную поддержку от ханской власти уже в процессе становления и развития шибанидской государственности на юге Западной Сибири. Отсчет этого процесса условно начинается с провозглашения ногайским бием Едиге в качестве хана Хаджи-Мухаммада в 1420 г. История государственности охватывает значительный период времени до 1660-х гг., включая три этапа – Узбекского, Тюменского и Сибирского ханств. В силу того, что тронное место в это время находилось чаще всего в Чимги-Туре до ее потери в ходе похода Ермака 1582 г., в действительности резонно считать эти этапы историей одного государства Тюменского (Туранского) ханства. Собственно, это отвечает и отношению к этой политике со стороны восточных хронистов. Следует обратить внимание, что, как и для Шибанидов золотоордынского периода, для ханов XV–XVI в. тюменские и сибирские земли часто были лишь своеобразной рекреационной зоной накопления сил и северной периферией более обширных степных владений, где значительную роль играли центральноазиатские зимовки. Кочевой образ жизни был социально престижным и характеризовал повседневный уклад как местных ханов, так и племенной аристократии. В этих условиях власть должны были сосредотачиваться в кочевой ставке (орду-базаре), а северная и южная столицы для хана было временным местом пребывания во время летовок и зимовок. Очевидно, что они играли большую роль в сборе различных налогов, для чего здесь должны были постоянно присутствовать хакимы, даруги и иные администраторы, действовавшие от лица хана. Возможно, что в городах, в частности в Чимги-Туре и Искере, могли быть и иные органы государственного управления (диван, канцелярия), для деятельности которых необходимо было хранение архива и постоянный штат писцов-битикчи. Столичные центры должны были быть хорошо укреплены, поскольку тем самым становились центрами престижа и презентации ханской власти.

Распространение ислама на территории Тюменского и Сибирского ханства традиционно связывается с сейидами, представлявшими суфийские тариقاتы Йасавийа и Накшбандийа [22, с. 158; 34, с. 5–9]. В отличие от золотоордынского времени, для Тюменского и Сибирского ханств имеются точные указания на конкретных сейидов при ханских дворах, начиная с воцарения в 1429 году в Чимги-Туре узбекского хана Абу-л-Хайра. Д.М. Исхаков указывает, что «Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых «узбеков» Абу-л-Хайр был настоящим мусульманином» [22, с. 150]. Эту точку зрения поддер-

живают А.Г. и И.А. Селезневые и И.В. Белича [58, с. 28–29]. Судя по тому, что аристократия рассматриваемых ханств вышла из Улуса Джучи и имела длительные связи с Поволжьем и Центральной Азией, среди ее представителей, несомненно, было доминирующее число мусульман. Однако, возникает резонный вопрос – можем ли мы это аргументировать источниками?

Наиболее важным аргументом в пользу значительной роли мусульман при дворе Абу-л-Хайра было присутствие в его окружении сейидов Кара и Кул-Мухаммеда, которые выполняли религиозные, консультативные и военные функции, в том числе принимая участие в походах хана. Девин ДеВиз считает, что эти сейиды относились к тарикату Йасавийа, представители которого часто занимали пост накиба с военным функционалом [69, р. 619–620]. В одном позднем источнике «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Кухистани (1540-е гг.) упоминается об участии этих суфиев в курултае по выборам хана в 1429 г., хотя более резонно считать, что они присоединились хану лишь в ходе расширения его владений в Хорезме в 1430-е гг. [33, с. 123–124]. Для придворных сыновей и внуков Абу-л-Хайра поддержка сейидов в процедуре интронизации рассматривалась как необходимая для сакрализации этого процесса и обязательная в силу переноса на нее правил аналогичных церемоний XVI века. Мухаммад Юсуф Мунши в своем сочинении писал, что после подчинения Хорезма Абу-л-Хайру покровительствовал Маулан-Хусейн-и Хорезми, потомок Наджм-ад-Дина Кубрави, то есть основателя Кубравийа [45, с. 48]. Упоминание о представителях этого влиятельного в Средней Азии братства позволяет предположить его возможное участие в исламизации населения Узбекского ханства, в том числе подвластных ему групп юга Западной Сибири. В именовании аристократов из ближнего круга Абу-л-Хайра неоднократно упоминаются люди с приставки к именам «Суфи», «Дервиш» и «Шайх», что явно говорит о большой роли ислама в элитарной среде. Однако, это не дает оснований для решения вопроса о степени принятия ислама рядовым населением Узбекского ханства.

При этом в период правления Абу-л-Хайра сохранялись тюрко-монгольские традиции предшествующего времени, в том числе воспринимаемые как адаты. Показателен пример отношения к этому процессу со стороны политических лидеров того времени, в частности правителя государства Тимуридов Шахруха (1409–1447 гг.). При укреплении ислама в его владениях, которому сопутствовали антимонгольские действия и риторика, он не видел необходимости упразднить монгольские порядки (монгольский суд и наказания за нарушение ясы). Тоже было характерно для Шибанидов и мангытских правителей Средней Азии XVI–XVII вв. [31, с. 42, 229, 259]. В Узбекском ханстве Абу-л-Хайра в политической жизни также шло восстановление имперских традиций раздачи халатов и поясов в рамках проведения тоев и курултаев в качестве взаимного ежегодного обновления статусов хана и аристократов. В результате каждый участник этих мероприятий, «кто имел место в системе управления, получал доступ к распределению ресурсов, реальных (например, пастбища) и символических (знаки власти)» [67, с. 212].

При этом Абу-л-Хайр апеллировал не только к системе раздач как закреплению властных отношений, но и к конкретной исламской символике. Например, после победы над ханами Большой Орды Махмудом и Ахмадом и

занятия «трона Саин-хана», узбекский лидер «...удостоил падишахскими халатами и царственными подарками известных бахадуров и воинов...», а с именем хана была прочитана хутба и проведен чекан монеты [41, с. 155]. Чтению хутбы придавалось большое значение в создании образа исламского правителя и признания его прав на территории. Важную роль играла и сикка, то есть право чеканки монет с именем правителя, рассматривавшееся в арабском мире в качестве показателя суверенности. События начала правления Абу-л-Хайра и поражения его противников меняли политическое положение хана, результатом чего стало создание нового ханского окружения в привычных тюрко-монгольских нормах. Однако его суверенность и право на территорию обозначались в мусульманских традициях, что явно говорит о значительной роли ислама в узбекском обществе этого времени.

Нахождение при ханском дворе представителей суфийских тарикатов привело к укреплению позиций ислама в среде местной аристократии последней четверти XV века. Это заметно и по именам представителей ханской династии, так и известных по сибирским летописям князей Тайбугидов (Ходжа, Мар или Умар, Адер, Мамет). Еще раз подчеркнем, что степень принятия ислама рядовыми группами населения, то есть сибирским «безмолвствующим большинством», не может быть уточнена без выявления и изучения мусульманских некрополей, хотя даже их анализ всегда является свидетельством завершенности рассматриваемого процесса, невозможного без формирования уммы и соблюдения всеми ее членами мусульманских традиций [62].

Тюменский («шибанский») хан Ибрахим прямо указывал на принадлежность к исламу, называя себя в переписке с Москвой «бесерменским царем»: «Яз – бесерменской государь, а ты христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была» [50, с. 18]. В конце 1480-х – начала 1490-х гг. в его окружении были бежавшие представители казанской знати. Их перечень имеется в письме от московского князя Ивана III в 1490 г.: «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [50, с. 21]. Д.М. Исахов предположил, что казанские сейиды в основном принадлежали к тарикуту Йасавийа [22, с. 92–94]. Возможно, что они после смерти Ибрахима могли оставаться при двоюродном брате и новом тюменском хане Мамуке.

В грамоте 1493 г. в Москву говорилось о том, что Ибрахим «... Темир Кутлуева сына убившы, Саинский еси стул взял...» [49, с. 95; 51, с. 46], скорее всего, здесь отражались события января 1481 года, когда Ибак-хан вместе с ногаями взял зимнюю ставку большеордынского хана Ахмада. Указание на «саинский стул» позволяет провести аналогию с более ранними аналогичными действиями Абу-л-Хайра. В связи с этим следует упомянуть возможную денежную эмиссию Ибрахима. Очевидно, что наименование его как «бесерменского государя» при интронизации на общеордынский престол должно было сопровождаться теми же элементами, которые мы ранее встречали в аналогичной ситуации при Абу-л-Хайре. Возможность денежной эмиссии Ибрахима долгое время основывалась на одной единственной находке, сделанной Ю.А. Аргентовским на Могилевских дюнах на берегу Исети в современном Шатровском районе Курганской области. Легенда монеты была восстановлена А.Г. Нестеровым, который на аверсе прочитал легенду, легко вос-

становливаемую как «Султан верховный Ибрахим хан» или «Султан Ибрахим хан», что в целом вполне укладывается в версию о религиозной принадлежности хана. С учетом утраты самой монеты прочтение вызывало довольно длительную дискуссию среди специалистов по нумизматике. Р.Ю. Рева в последнее время обнаружил не только новые монеты этого тюменского правителя, но и его отца Махмуда и деда Хаджи-Мухаммада [4, с. 39–40; 10, с. 56–66; 47, с. 29–30; 53, с. 56–57; 54, с. 198–211], чьи имена не вызывают сомнений в исламской принадлежности. Хотя в споре об этом чекане еще не поставлена последняя точка, можно предположить, что сама эмиссия хорошо вписывается в символику власти мусульманского правителя, каковыми были представители тюменских и сибирских Шибанидов. В источниках отсутствует указание на принадлежность сейидов при дворах тюменских ханов к кому-либо тарикату, однако Д.М. Исхаков считает, что представители Шибанидов в это время были последователями тариката Йасавийа [23, с. 146].

На первую половину XVI века приходится значительная лакуна в истории шибанидской государственности на юге Западной Сибири. В 1510-х гг. начинается период «смутного» времени, когда многие «шибанцы» уходят, возможно, под влиянием изменения климата в рамках Малого ледникового периода, в степи. Это приводит к значительному сокращению упоминаний тюменских ханов во внешних источниках, что, видимо, связано и с уходом части из них в Московское государство и Бухару. Хотя еще в 1525 г. Павел Иовий писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [20, с. 28–31]. Это свидетельствует в пользу сохранения шибанидских владений в Приуралье и Прикамье, а следовательно, и связанных с ними сибирских землях. К 1530-м гг. последние оказываются под контролем мангытского бия Шейх-Мамай, внука хана Ибрахима по линии дочери, а населены эти земли были тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами [16, с. 157, 164, 181; 51, с. 130–131, 155].

Очередная попытка приведения сибирского тюрко-татарского населения к исламу была предпринята в начале 1570-х гг. двумя братьями Ахмад-Гиреем и Кучумом, сыновьями Муртазы и внуками Ибрахима. Возникает вполне резонный вопрос о том, почему, несмотря на все успехи исламизации XIV–XV веков и сохранение связей с Центральной Азией, Поволжьем и Приуральем, она понадобилась? Представляется, что это может быть связано не со сложностями внедрения ислама в среде рядового населения, а с тем, что, благодаря миграциям первой четверти XVI века, на юге Западной Сибири значительно изменился сам состав населения. Наиболее хорошо перечень племен и кланов известен по уже упомянутому выше окружению Абу-л-Хайра. Для Сибирского ханства этот перечень может быть восстановлен лишь по племенам, упоминающимся в контексте русского присоединения сибирских территорий как в составе войск Кучума и Кучумовичей, так и перешедших на русскую сторону: аялы, мякотин (бикотин), сынрян, табын, терсяк, чат и другие. Некоторые из них состояли из тюркизированных угров (терсяк, бикотин) [35, с. 5–10]. При этом не решен вопрос о связи кланов XV века с подобными структурами более позднего времени (например, табын были явно родственны уйшинам). Однако в целом эти два перечня разительно отличаются друг от друга [37, с. 62–64].

По всей видимости, произошли и значительные территориальные изменения, особенно с учетом того, что северной столицей Шибанидов была Чимги-Тура, а границей долгое время была река Тавда. Сибирская земля была присоединена только в конце XV века, но при этом находилась под управлением беков из Тайбугидов, которые, видимо, ограничивались лишь сбором ясака для тюменских ханов без их вмешательства в иные вопросы. Ахмад-Гирей, приглашенный править в Искер, в 1563 году и затем его брат Кучум стали первыми Шибанидами, которые поставили Сибирскую землю под свой прямой контроль. На протяжении 1570-х они, сохраняя совместно с ногаями владения Шибанидов предшествующего времени, значительно расширили границы Сибирского ханства на север и восток, в том числе на земли угорских и самодийских княжеств. Ранее на эти земли власть Шибанидов либо не распространялась вообще, либо ограничивалась сбором ясака. Местное население не было связано с изначальными владениями Шибанидов, где ислам занял свое место еще со времен Узбека. В результате ханской политики на севере границы Сибирского ханства вышли к впадению Иртыша в Обь, среднему течению Туры и Тавды, на востоке – к низовьям притока Оби реке Томь, на юге – к Чановским озерам в Барабе, низовьям Иртыша. Именно эти территории были укреплены крепостями как для охраны границ, так и для контроля над ними [40, с. 61–65].

Исламское вероисповедание Кучума и придворных администраторов не вызывает сомнения. Это нашло отражение в богословии «Бог всемогний» и «Бог богат», которое было обязательной частью начального протокола мусульманского дипломатического документа. Оно известно как по переписке с московским царем Иваном IV в 1570 году, так и с бухарским ханом Абдаллахом II в конце 1590-х годов [8, с. 232–233; 61, с. 52], причем в рамках последней перед Кучумом напрямую ставится задача борьбы с русскими как с «кафьрыями». Представляется, что именно новые племена и земли поставили Кучума перед необходимостью проведения ряда внутренних реформ, в том числе и исламизации как способа создания государственной идеологии Сибирского ханства. Симптоматично, что т.н. Продолжатель Утемиша-хаджи в начале XVII века писал, что Кучум «стал великим ханом юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге)» [44, с. 64]. Это название может состоять из указания на юрт, имя его владельца Тайбуги и подвластное им население, то есть иштяков. Установление в Сибирской земле (Искерском юрте) прямого управления Шибанидов связано с сепаратизмом местных князей Едигера и Бекбулата Тайбугидов в 1555–1563 годах [48, с. 248]. Их желание перейти под власть русского царя Ивана IV, получить его поддержку и обещание платить ему ясак нарушало абсолютное право хана на ведение внешней политики, а также ударяло по экономическим возможностям сибирской правящей семьи, большая часть которой в это время располагалась где-то в Бухарском ханстве. Существует предположение, что понятие «иштяк» в тюркских языках могло обозначать не только инородческое, но и языческое население [65, с. 85]. Таким образом, рядовое население Тайбугина юрта могло быть не охвачено более ранними процессами исламизации. При этом, поскольку бывшие Сибирские земли «Тайбугина юрта» стали основой Сибирского ханства, а в Искер из Чимги-Туры была перенесена северная столица, то понятно, что его население нужно было привести к исламу. Таким образом, речь могла

идти не о вторичной исламизации, а о внедрении этой религии на новых землях к востоку от владений Шибанидов предшествующего времени. В результате этого исламом должны были быть охвачена вся территория Западной Сибири, подвластная Шибанидам.

Судя по маршрутам проповедников 1570-х гг., именно земли по Иртышу и Тоболу подверглись новой волне исламизации, в результате которой формировалась новая идентичность не всего населения ханства, а именно поставленного под прямой контроль в период второй половины 1560-х гг. Симптоматично, что именно на этой новой для ислама территории начинает формироваться феномен астана, то есть могил местночтимых святых, что максимально приближало ислам к бывшему языческому населению. Обратим внимание, что датировка ранее рассмотренных мавзолеев (кесене) в Челябинской области на данный момент построена только на традиционных археологических методах. Найденные артефакты при раскопках Варненского мавзолея «Кесене» имеют широкую датировку в рамках XIV–XVI веков. На данный момент их привязка именно к периоду Узбека носит не более чем условный характер, а сами они требуют дополнительного исследования. Интересно то, что в рукописях сибирских татар «захоронения павших за веру», то есть астана, тоже называются мавзолеями. «Традиция возводить мавзолеи пришла в Западную Сибирь с юга вместе с миссионерами и переселенцами из Бухары и трансформировалась у них, вследствие отсутствия привычного строительного материала – камня в устройство оградок, срубов и т.д. из дерева» [62, с. 803]. С учетом того, что астана в Тюменской и Омской области датируются не ранее XVI века, их возможное соотнесение во времени с мавзолеями Южного Зауралья весьма интересно и раскрывает новые перспективы в изучении сибирского ислама и его связей с Центральной Азией.

Именно с правлением в Искере внуков Ибрахима, Ахмад-Гирея и Кучума, связано присутствие представителей суфийских орденов на юге Западной Сибири. Их связь с суфиями была вполне очевидна и по причине роли последних в Бухарском ханстве, например, известного влияния на хана Абдаллаха II лидера суфийского тариката Накшбандийя, Мухаммаде Ислами, известного как Ходжа Джубайри [17, с. 182; 45, с. 59]. Скорее всего, в результате этой связи жена Бекбулата после прихода к власти Ахмад-Гирея также оказалась в Бухаре в доме сейида, где родила затем сына, прозванного Сейдяком [42, с. 192].

В 1572 и 1574 гг. хан Кучум дважды обращался к бухарскому хану Абдаллаху II для организации приезда мусульманских проповедников в Сибирь. Кучум стремился как получить наставников в вере, так и, возможно, создать государственную идеологию Сибирского ханства на основе единства веры. Несмотря на обращение в Бухару, «миссия» организовывалась в Ургенче, который в политическом плане был подчинен хивинским ханам, отношения которых с Абдаллахом II были весьма напряженными. В результате согласование поездки велось через суфийские тарикаты: бухарский хаким Ходжа-Якуб по просьбе хана обратился к своему родственнику, ургенчскому хакиму Хан-сайиду-ходже [42, с. 195]. Около 1574 года приехавший в Искер хаким Ярым-сейид умер, а сопровождавший его шейх Шербати вернулся обратно в Ургенч. В том же году Кучум был вынужден вновь обращаться в Бухару за

помощью в вопросах веры. Это обращение также было переадресовано в Ургенч, где собрали вторую группу проповедников, во главе которой оказались Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжа, младший брат Ярым-сейида. В Бухаре выделили для их защиты отряд из 100 человек во главе с братом Кучума ханом Ахмад-Гиреем [25, с. 51–69]. С учетом связей Абдаллаха с Ходжой Джубайри резонно предположить, что и суфии, отправленные в Сибирь, могли происходить из того же тариката, который был основан Мухаммедом Бахаудином Накшбанди аль-Бухари в конце XIV века под значительным влиянием идей Йасавийа [9, с. 214].

Этому не противоречат и данные рукописи Катанова, в которой говорится об организации ранее рассмотренного легендарного похода основателем тариката Накшбандийа. В середине XVI века связь между этими тарикатами была довольно тесной. При этом Накшбандийа явно набирал все большую силу, постепенно подчиняя Йасавийа, чему способствовала и поддержка бухарских и хивинских Шибанидов. В результате в составе участников похода фиксируется большое число учеников Занги-бабы и Сейид-Ата из Йасавийа. В трактате «Шаджара Рисаласи» рассматривается происхождение от Сейид-Ата Дин-Али-ходжа и Ярым-сейида. А.К. Бустанов даже предположил, что они бежали к Кучуму в связи с конфликтом между тарикатами и усилением влияния конкурентов [11, с. 59]. Однако, имеющиеся источники, на наш взгляд, говорят о согласованной позиции тарикатов по вопросу исламизации населения Сибирского ханства. Интересно мнение Девина ДеВиз, согласно которому после смерти Ходжи Джубайри накибом и шейх аль-исламом при бухарском хане стал наследник Сейида-Ата, Хасан Ходжа [69, р. 622]. Так же, как при Ибрахиме, при дворе Кучума могли оказаться и абызы (хафизы) из Казани [42, с. 195]. Возможно, как и в прошлом, это были те представители мусульманского духовенства, которые бежали от русской власти.

Таким образом, при Кучуме исламизация затронула, прежде всего, новые земли Сибири, поставленные под прямой контроль тюменских ханов. Успехи миссионерства были настолько велики, что ислам принимали и представители верхушки мансийских обществ, в том числе с территории Пелымского княжества [18, с. 44], хотя, несомненно, сам вопрос о времени и причинах принятия ислама в угорской среде гораздо более сложен. На восточных землях ханства начинают формироваться соответствующие местные центры ислама в виде астана, которые «...со временем стали ключевыми точками сакрального мусульманского ландшафта некоторых регионов Западной Сибири» [62, с. 802]. Черты ислама проявлялись и в некоторых погребальных памятниках («ханское кладбище» возле Искера, могильник у с. Гжатск в Новосибирской области и курганы на 1-м Киргизском кладбище в Омской области), которые могут относиться к XV–XV векам [60, с. 290]. Несколько сложнее обстоит вопрос с мечетями, поскольку на данный момент на городищах Сибирского ханства они не найдены, кроме возможного исключения на Искере еще по данным раскопок Н.Н. Пигнатти. Мечеть в Кызыл-Туре на рисунке из Кунгурской летописи, которую видел еще П.И. Фальк в 1771 году, так и не была обнаружена в ходе длительных археологических работ на этом памятнике Е.М. Данченко [38, с. 136–137; 62, с. 803; 20, с. 28–31]. Впрочем, следует признать, что все рисунки Кунгурской летописи отражали именно русское православное понимание сибирской истории XVI века и в большинстве слу-

чаев не может быть использовано как источник реконструкции каких-либо аспектов прошлого.

Представители мусульманского духовенства сохраняли свое положение при дворе Кучума и после его отступления из Искера. При этом они могли быть и руководителями посольских миссий, в частности абыз (хафиз) Усейн руководил бухарцами, которых погромил отряд сына боярского Ильи Беклемишева на перевозе через Иртыш в конце 1596 года¹. Посольские функции в переговорах между Кучумом, Абдаллахом II и лидерами Алтыулов выполняли бухарский ходжа Дин-Али и сибирский абыз Игебердей. При этом Дин-Али б. Мирали мог быть верховным сейидом Сибирского ханства со времени приезда из Ургенча в 1574 г. [22, с. 165–168; 58, с. 137–138]. Дин-Али стал ханским зятем (гургеном) в результате женитьбы на дочери Кучума Налханише или Лейле-ханише [43, с. 198; 58, с. 136]. При этом опубликованные нами совместно с А.В. Беляковым документы позволяют говорить о том, что еще в 1595 г. Дин-Али продолжал бывать в Бухаре и выполнял посольские обязанности именно от лица бухарского лидера [8, с. 235].

В 1598 г. при Кучуме в качестве сейида упоминается уже Тул-Мухаммад [2, с. 3]. Скорее всего, Дин-Али в это время мог попасть в плен к русским или, более вероятно, в очередной раз оказался в Бухаре. Возможно, «татарский юртовской сеид Тенелей Берелеев», упоминаемый в русских документах конца XVI века, был Дин-Али [22, с. 168; 58, с. 137–138]. Как правило, установление этой связи, в том числе в хронологическом плане, делается со ссылкой на исследование С.В. Бахрушина о сибирских служилых татарах [5, с. 165], хотя соответствующий документ с указанием сейида датируется только 15 октября 1629 г. [56, с. 606–610], когда Дин-Али должно было быть около 70 лет. Данная проблема ставит задачу о продолжении поиска документов о времени и обстоятельствах перехода к русским. К тому же русские воеводы часто использовали лиц с подобным статусом, например, Тул-Мухаммад (Тул-Мамет), взятый в плен в битве при Оби, уже через три дня после этого 23 августа 1598 г. был отправлен искать Кучума. Он должен был передать хану предложение перейти под руку московского царя, а после этого отправиться с аналогичной миссией к чатским лучшим людям [2, с. 7]. Все это свидетельствует о высоком статусе подобных людей в среде сибирской племенной аристократии.

В рамках переписки Абдаллаха II и Кучума в 1595 г. посольские функции также выполнял абыз Игибердей. Как и Дин-Али, он был связан с Кучумом родством, поскольку его дочь Карачай (Карачаца) была замужем за сыном хана Азимом (Хаджимом). По мнению А.В. Белякова, нам очень мало известно о таком сложном явлении как хафизы (абызы в русских источниках), при этом их статус не следует упрощать до простых «татарских попов» [7, с. 40–45]. Хотя традиционно сейиды и абызы, прежде всего, отвечали за соблюдение исламских обрядов, их образованность и авторитет приводили к значительному влиянию на ханскую ставку и выполнению многих сугубо светских обязанностей. Например, в 1601 г. от лица царевича Хаджима у башкир собирал «одежи и кормы» хафиз Алибай, а другой хафиз Менглибай вел переговоры в Тюмени от того же Хаджима и его брата Каная [63, с. 133].

¹ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.11. Л.24об.

Роль сейидов и абызов в дипломатической деятельности свидетельствует о большом значении суфийских орденов в ханствах Шибанидов XVI века, в том числе в Сибирском. А.В. Беляков указывает, что «отмечены абызы и при «казакующих» сибирских царевичах в середине XVII в. ... о них говорится... как о лицах, которые способны прочесть царскую грамоту, посланную из Москвы в калмыцкие улусы» [7, с. 40]. Их происхождение почти никогда не фиксируется в документах, исключением является абыз Безелек из Чатов, который при Кане был отправлен с посольской миссией в Москву [43, с. 196].

Таким образом, на протяжении XIV–XVI вв. ислам, благодаря политике золотоордынских лидеров и различных ханов из династии Шибанидов, занял ведущее положение на религиозной карте Тюменского и Сибирского ханства, прежде всего, при дворе правителей и в среде кочевой аристократии. Представляется, что для времени Тюменского ханства можно говорить и о том, что процесс исламизации охватил и рядовые группы кочевников. Расширение территории этого ханства за счет присоединения Сибирской земли привело братьев Ахмад-Гирея и Кучума к ситуации необходимости введения ислама на территории, которая ранее была за границами мусульманского мира. Принципиальными моментами рассмотрения процесса исламизации является следующее: во-первых, необходимо его изучать именно в более широком хронологическом контексте с золотоордынского времени и с учетом условного «обрыва» государственности в первой четверти XVI века; во-вторых, понять особенности процесса исламизации при ханах Ахмад-Гирее и Кучуме мы сможем только, если осознаем, что для мусульман Сибирь (в понимании того времени) была новой и неизведанной территорией. При этом продвижение ислама происходило не только с юга на север из Центральной Азии, но и с запада на восток из Поволжья под значительным влиянием действовавших в этих регионах представителей суфийских тарикатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии*. М.-Ташкент-Баку, 1996. С. 3–186.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II: 1598–1613. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. 472 с.
3. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // *Исторический архив*. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
4. *Аргентовский Ю.А.* Археологические находки в дюнах близ деревни Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // *Зап. Уральского об-ва любителей естествознания*. Екатеринбург, 1912. Т. XXXI. Вып. 1. С. 32–43
5. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // *Бахрушин С.В. Научные труды*. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 153–175.
6. *Белоглазов А.В.* Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Учебное пособие. Казань: Казанский ун-т, 2013. 294 с.

7. *Беляков А.В.* Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. Научный ежегодник. 2015. № 7. С. 40–45.

8. *Беляков А.В., Маслюженко Д.Н.* Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.

9. *Бустанов А.К.* Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Т.11. Омск: Издательский дом «Наука», 2009. С. 195–229.

10. *Бустанов А.К.* Денежное обращение в Сибирском улусе // *Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. М.: Вост. лит., 2009. С. 56–66

11. *Бустанов А.К.* Суфийские легенды об исламизации Сибири // *Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*. М.: Вост. лит., 2011. С. 33–78.

12. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 170 с.

13. *Гарустович Г.Н.* Религиозная ситуация в Золотой Орде глазами современников // *Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой*. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 73–97.

14. *Гарустович Г.Н.* «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 2 (4). С. 96–109.

15. *Гарустович Г.Н.* К вопросу об этнической ситуации в лесостепном Зауралье в начале II тысячелетия н.э. // *Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола / под ред. Д.Н.Маслюженко, И.К.Новикова*. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. С. 62–65.

16. *Герберштейн С.* Записки о Московии / под ред. В.Л. Янина. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.

17. *Дженкинсон Э.* Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 168–192.

18. *Дмитриев А.* Покорение угорских земель и Сибири // *Пермская старина. Сборник статей и материалов преимущественно о Пермском крае*. Вып. V. Пермь: типография П.Ф.Каменского, 1894. XII, 220, IV с.

19. *Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П.Храпачевский*. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.

20. *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // *Библиотека иностранных писателей о России*. Т 1. СПб., 1836. С. 28–31.

21. *История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2016. 464 с.

22. *Исхаков Д.М.* Институт сеййидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.

23. *Исхаков Д.М.* Проблема «окончательной» исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке // *Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 129–153.

24. *Камалов И.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию). Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. 304 с.
25. *Катанов Н.Ф.* Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1897. Вып.8. С. 51–60.
26. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
27. *Костюков В.П.* Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. VI. С. 210–224.
28. *Костюков В.П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс.н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 444–457.
29. *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2007. №1. Вып.6. С. 169–207.
30. *Костюков В.П.* «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С. 43–97.
31. *фон Кюгельген А.* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-пресс, 2004. 516 с.
32. *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2008. 168 с.
33. *Маслюженко Д.Н.* Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. № 3 (5). 2014. С. 121–138.
34. *Маслюженко Д.Н.* Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.
35. *Маслюженко Д.Н.* Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 5–10.
36. *Маслюженко Д.Н.* Юго-Западная Сибирь в составе Улуса Джучи: династийная принадлежность // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. С. 15–21.
37. *Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х.* Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.
38. *Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф.* Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 136–137.
39. *Маслюженко Д.Н., Ханов С.А.* Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола / под ред. Д.Н.Маслюженко, И.К.Новикова. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. С. 69–75.
40. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.
41. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
42. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
43. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.

44. *Миргалеев И.М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.

45. *Мунши Мухаммед Юсуф* Муким-ханская история / перевод и прим. А.А.Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР «Фан», 1956.

46. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит, 2011. С. 228–248.

47. *Нестеров А.Г.* Монеты Ибрагим хана // Уральский следопыт. 1990. №12. С. 29–30.

48. Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Типография Н.Ю.Скороходова, 1904. 303 с.

49. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.

50. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.

51. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.

52. *Почкаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

53. *Рева Р.Ю.* Монеты Шибанидов XV века // Тезисы XVII Всероссийской нумизматической конференции. М.: ГИМ, Триумф-Принт, 2013. С.56–58.

54. *Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В.* Монеты хана Ибрахима // Труды ГИМ. Вып. LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 198–211

55. *Де Рубрук Г.* Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 88–190.

56. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и Ко, 1884. Т.8. 700 с.

57. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.

58. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

59. *Соболев В.И.* Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции: Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири). Омск: ТОО «Репро-текст», 1994. С. 140–142.

60. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.

61. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.2. М.: Тип. Всеволожского, 1819. 643 с.

62. *Татауров С.Ф., Корусенко М.А.* История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. Т.38, ч.4. С. 798–807.

63. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.

64. *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме (Тарих-и Дост-султан) / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Комментар. и указат. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

65. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

66. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А.З.Буниятова. Баку: Элм, 1984. С. 35–36.

67. *Юрченко А.Г.* Хан Узбек. Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.

68. *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, University Press. 1994. 638 p.

69. *DeWeese D.* The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // *Journal of the American Oriental Society*. 115. 4 (1995). P. 619–634.

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Поступила 13.12.2018 Принята к публикации 25.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov [The genealogical tree of the Turks]. *Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov. Ioakinf. Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Len-Pul' Stenli. Musul'manskie dinastii* [Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. The genealogical tree of the Turks. Father Ioakinf. The history of the first four khans of the Chinggisid house. Lane-Poole Stanley. Muslim dynasties]. Moscow–Tashkent–Baku, 1996, pp. 3–186. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu* [Historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, 1841, Vol. II: 1598–1613. 472 p. (In Russian)

3. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh v Vostochnoy Evrope [Letters of the Hungarian missionaries of the 13th–14th centuries on the Tartars in Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archive]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940, vol. III, pp. 71–112. (In Russian)

4. Argentovskij Ju.A. Arheologicheskie nahodki v djunah bliz derevni Mogilevoj Kondinskoj volosti Shadrinskogo uезда [Archaeological finds in the dunes near the village of Mogileva in the Kondinskaya volost of the Shadrinsky district]. *Zapiski Ural'skogo Obshhestva Ljubitelej Estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Naturalists]. Vol. XXXI. 1912, Iss. 1, pp. 32–43. (In Russian)

5. Bahrushin S.V. *Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v.* [Siberian Tatars in the 17th century]. *Nauchnye trudy. T.III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. CH. 2. Istoriya narodov Sibiri v XVI–XVII vv.* [The scientific works. T. III. Selected works on the history of Siberia of the 16th–17th centuries. P. 2. The history of the peoples of Siberia in 16th–17th centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955, pp. 153–175 (In Russian)

6. Beloglazov A.V. *Vliyanie islama na politicheskie protsessy v Tsentral'noy Azii* [The influence of Islam on the political processes in Central Asia]. Kazan, Kazan State University Publ., 2013. 294 p. (In Russian)

7. Belyakov A.V. *Abyzy (khafizy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov* [The Abyzes (Hafizes) in the Moscow state of the 16th–17th centuries]. *Srednevekovyye tyurkotatarskie gosudarstva. Nauchnyy ezhegodnik* [The medieval Turkic-Tatar States. Research Yearbook], 2015, no 7, pp. 40–45. (In Russian)

8. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. *Sibirsko-buharsko-nogajskie otnosheniya v svete perepiski buharskogo hana Abdallaha s sibirskim hanom Kuchumom* [Siberian-Bukharan-Nogai relations in the light of correspondence between Abdallah, the khan of Bukhara, and Kuchum, the khan of Siberia]. *Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 229–243. (In Russian)

9. Bustanov A.K. *Manuskripty sufyskikh shaykhov: turkestanskaya traditsiya na beregakh Irtysha* [Manuscripts of the Sufi sheikhs: the Turkestan tradition on the banks of the Irtysh river]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic-archaeological complexes: problems of culture and society]. Omsk, Publishing house "Science", 2009, v. 11, pp. 195–229. (In Russian)

10. Bustanov A.K. *Denezhnoe obrashchenie v Sibirskom uluse* [Monetary circulation in the Siberian ulus]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Turkological collection. 2007–2008: the history and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries]. Moscow, Eastern literature Publ., 2009, pp. 56–66. (In Russian)

11. Bustanov A.K. *Sufyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection. 2007–2008: the history and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries]. Moscow, Eastern literature Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 33–78. (In Russian)

12. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde: historical and archaeological research]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2007. 170 p. (In Russian)

13. Garustovich G.N. *Religioznaya situatsiya v Zolotoy Orde glazami sovremennikov* [The religious situation in the Golden Horde in the eyes of contemporaries]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde. Sbornik statey* [Islam and power in the Golden Horde. A collection of articles]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 73–97. (In Russian)

14. Garustovich G.N. «Teoriya mavzoleev» ili regional'nye osobennosti kul'tovogo memorial'nogo zodchestva Uralo-Povolzh'ya epokhi Zolotoy Ordy (istoricheskie i etnograficheskie aspekty problemy) [“The theory of mausoleums” or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2014, no. 2 (4), pp. 96–109. (In Russian)

15. Garustovich G.N. *K voprosu ob etnicheskoy situatsii v lesostepnom Zaural'e v nachale II tysyacheletiya n.e.* [To the question about the ethnic situation in the forest-steppe Trans-Urals in the beginning of the 2nd Millennium BC]. *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopredel'nykh territoriy. Materialy mezhregional'nogo kruglogo stola* [Archaeology of the Middle Tobol region and adjacent territories. Materials of the interregional round table]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2016, pp. 62–65 (In Russian)

16. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 420 p. (In Russian)

17. Jankinson E. *Puteshestvie v Srednyuyu Aziyu. 1558–1560 gg.* [The journey to Central Asia. 1558–1560]. *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI*

veke [English travelers in the Moscow state in the 16th century]. Moscow, 1937, pp. 167–192. (In Russian)

18. Dmitriev A. Pokorenie ugorskikh zemel' i Sibiri [The conquest of the Ugric lands and Siberia]. *Permskaya starina. Sbornik statey i materialov preimushchestvenno o Permskom krae* [The Perm antiquities. A collection of articles and materials primarily about the Perm Krai]. Perm, 1894, ed. V. xii, 220, iv p. (In Russian)

19. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the sources. Arabic and Persian writings]. Comp., introductory article and comments by R.P. Khrapacheskij. Moscow, 2003, vol. 1. 448 p. (In Russian)

20. Ioviy P. Posol'stvo ot Vasiliya Ioannovicha, velikogo knyazya Moskovskogo, k pape Klimentu VII [The Embassy from Vasily Ivanovich, Grand Prince of Moscow to Pope Clement VII]. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* [Library of foreign writers about Russia]. St. Petersburg, 1836, vol. 1, pp. 28–31. (In Russian)

21. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. T.I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [The history of the Tatars of the Cis-Urals. Vol. I. Nomads of the great steppe in the Cis-Urals. Medieval Tatar States]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 464 p. (In Russian)

22. Ishakov D.M. *Institut sejidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tjurko-tatarskikh gosudarstvah* [Institute of the sayyids in the Ulus of Jochi and late Golden Horde's Turkic-Tatar States]. Kazan, Fan Publ., 2011. 228 p. (In Russian)

23. Ishakov D.M. Problema «okonchatel'noj» islamizacii Ulusa Dzhuchi pri hane Uzbeke [The problem of “definitive” Islamization of the ulus of Jochi under Uzbek Khan]. *Islam i vlast' v Zolotoj Orde* [Islam and power in the Golden Horde]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 129–153. (In Russian)

24. Kamalov I. *Zolotaja Orda i russkij ulus (tatarskoe vlijanie na Rossiju)* [The Golden Horde and Russian ulus (Tatar influence on Russia)]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 304 p. (In Russian)

25. Katanov N.F. Predaniya tobol'skikh tatar o pribytii v 1572 godu mukhammedanskikh propovednikov v g. Isker [Legends of the Tobolsk Tatars on arrival in 1572 of the Muslim preachers to Isker]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk province Museum]. Tobol'sk, 1897, is. 8, pp. 51–61. (In Russian)

26. Kononov A.N. *Rodoslovnaja turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, hana Hivinskogo* [The genealogy of the Turkmens. The work of Abu-l Gazi Khan of Khiva]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 192 p. (In Russian)

27. Kostjukov V.P. *Ulus Shibana v XIII–XIV vv. (po pis'mennym dannym)* [The Ulus of Shiban in the 13th–14th centuries (according to the written data)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 1998, Is. VI, pp. 210–224. (In Russian)

28. Kostjukov V.P. Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys.n.e. [Cultural transformation in the Ural steppes of Kazakhstan in the first half of the 2nd Millennium AD]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. The Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, Rifej Publ., 2006, pp. 444–457. (In Russian)

29. Kostjukov V.P. *Ulus Dzhuchi i sindrom federalizma* [The ulus of Jochi and syndrome of federalism]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan], 2007, no. 1, is. 6, pp. 169–207. (In Russian)

30. Kostjukov V.P. «Zheleznye psy Batuidov» (Shibane i ego potomki v voynakh XIII v.) [The “Iron dogs of the Batuids” (Shiban and his descendants in the wars of the thirteenth century)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of history and archaeology of Western Kazakhstan], 2008, no. 1, pp. 43–97. (In Russian)

31. von Kügelgen A. *Legitimacija sredneaziatskoj dinastii mangitov v proizvedenijah ih istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The legitimization of the Central Asian dynasty of the

Maghyts in the works of their historians (18th–19th centuries)]. Almaty, Dajk-press Publ., 2004. 516 p. (In Russian)

32. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethno-political history of the forest-steppe Cis-Tobol region in the middle ages]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2008. 168 p. (In Russian)

33. Maslyuzhenko D.N. Tyurko-mongol'skie traditsii v «gosudarstve kochevykh uzbekov» khana Abu-l-Khayra [Turko-Mongol Traditions in the “State of Nomadic Uzbeks” of Abu al-Khair Khan]. *Zolotoordynskaya obozrenie*. [The Golden Horde Review], 2014, no. 3(5), pp. 121–138. (In Russian)

34. Maslyuzhenko D.N. Deyatel'nost' sufiyskikh ordenov na territorii Tyumenskogo i Sibirskogo khanstv [The activities of Sufi orders in the territory of the Tyumen and the Siberian khanates]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2015, no. 2 (34), pp. 5–9. (In Russian)

35. Maslyuzhenko D.N. Tjurkskie gruppy v kochev'jah Kuchumovichej v Juzhnom Zaural'e v 1600-e gg. [Turkic groups in camping-grounds of the Kuchumoviches in the southern Trans-Urals in the 1600s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, no. 3(41), pp. 5–10. (In Russian)

36. Maslyuzhenko D.N. Jugo-Zapadnaja Sibir' v sostave Ulusa Dzhuchi: dinastijnaja prinadlezhnost' [South-Western Siberia as the part of the Jochid Ulus: the dynastic affiliation]. *Istorija, jekonomika i kul'tura srednevekovyh tjurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri. Materialy III Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii* [History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the III all-Russian (with international participation) scientific conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2017, pp. 15–21. (In Russian)

37. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Tyurkskie yasachnye volosti v Priiset'e v pervoy polovine XVII veka [The Turkic yasak volosts in Priisetie in the first half of the seventeenth century]. *Voprosy istorii = Questions of history*, 2017, no. 1, pp. 57–72. (In Russian)

38. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Isker kak mifologema v izuchenii istorii Sibirskogo hanstva [Isker as mythologem in the study of history of the Siberian khanate]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 136–137. (In Russian)

39. Maslyuzhenko D.N., Khanov S.A. Zerkala mongol'skogo i zolotoordynskogo vremeni s territorii lesostepnogo Pritobol'ya [Mirrors of the Mongol and the Golden Horde time from the territory of forest-steppe Tobol region]. *Arheologija Srednego Pritobol'ja i sopredel'nyh territorij. Materialy mezhregional'nogo kruglogo stola, posvjashhennogo 50-letiju Kurganskoj arheologicheskoy jekspedicii (Kurgan, 8 dekabrja 2016 g.)* [Archaeology of the Middle Cis-Tobol region and adjacent territories. Materials of interregional round table dedicated to the 50th anniversary of the Kurgan archaeological expedition (Kurgan, December 8, 2016)]. Kurgan, Publishing house of the Kurgan State University, pp. 69–76. (In Russian)

40. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [The Siberian khanate: a political and military aspects of history.]. Kazan, Fan Publ., 2012. 260 p. (In Russian)

41. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya. iz persidskikh i tyurkskikh sochinenij)* [Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extracts from the Persian and Turkic writings)]. Suleymenov B. [otv. red.]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 655 p. (In Russian)

42. Miller G.F. *Istorija Sibiri* [History of Siberia]. Vol.I. Moscow, Vostochnay literatyra Publ., 2005. 630 p. (In Russian)

43. Miller G.F. *Istorija Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnay literatyra Publ., 2000. 796 p. (In Russian)

44. Mirgaleev I.M. Soobshchenie Prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnykh Shibanids [Information of the continuator of “Chingiz-nama” by Ötemish Hajji about the late Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, economics and culture of the medieval Turko-Tatar States in Western Siberia. Materials of the II Russian scientific conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66. (In Russian)

45. Munshi Mukhammed Yusuf. *Mukim-khanskaya istoriya* [Mukim-Khan's history]. Tashkent, 1956. 300 p. (In Russian)

46. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of the “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” about the domains of some descendants of Jochi Khan]. *Tyurkologicheskij sbornik. 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection. 2009–2010: the Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages]. Moscow, Eastern literature Publ., 2011, pp. 228–248. (In Russian)

47. Nesterov A.G. *Monety Ibragim hana* [Coins of Ibrahim Khan]. *Ural'skij sledopyt* [Ural pathfinder], 1990, no. 12, pp. 29–30. (In Russian)

48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Patriarshaya, ili Nikonovskaya letopis'* [Complete collection of Russian Chronicles. Patriarchal, or Nikon chronicle]. St. Petersburg, 1904, vol. 13. 240 p. (In Russian)

49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Ustyug and Vologda chronicles]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p. (In Russian)

50. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [Ambassadorial book on Russia's relations with the Nogai Horde in 1489–1508]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1984. 87 p. (In Russian)

51. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Ambassadorial book on Russia's relations with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)

52. Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [The tsars of the Horde. Biographies of the khans and the rulers of the Golden Horde]. Saint-Petersburg, Eurazia, 2012. 464 p. (In Russian)

53. Reva R.Ju. Monety Shibanidov XV veka [Coins of the Shibanids of the 15th century]. *Tezisy XVII Vserossiyskoj numizmaticheskoy konferentsii* [Abstracts of the XVII all-Russian numismatic conference]. Moscow, GIM, Triumph Print, 2013, pp. 56–58. (In Russian)

54. Reva R.Ju. Kazarov A.A., Zajonchkovskij Ju.V. Monety hana Ibrahima [Coins of Ibrahim Khan]. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitezha. Materialy i issledovanija otdela numizmatiki* [Proceedings of the State Hermitage Museum. Materials and studies of the department of numismatics]. Vol. LXXXI. St. Petersburg, State Hermitage Museum, 2017, pp. 198–211. (In Russian)

55. de Rubruck G. Puteshestvie v Vostochnye strany [Journey to Eastern countries]. *Puteshestvija v Vostochnye strany* [Journey to Eastern countries]. Moscow, Mysl', 1997, pp. 88–190. (In Russian)

56. *Russkaja istoricheskaja biblioteka, izdavaemaja Arheograficheskoy komissiej* [Russian historical library, published by the archaeological Commission], vol. 8. Saint-Peterburg, 1884. 700 p. (In Russian)

57. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: regional variation in religious syncretism]. Novosibirsk, 2004, 72 p. (In Russian)

58. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of the saints in the Siberian Islam: the specificity of the universal]. Moscow, Mardjani Publ., 2009. 216 p. (In Russian)

59. Sobolev V.I. Rasprostranenie islama v Sibiri [The spread of Islam in Siberia]. *Islam, obshchestvo i kul'tura: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Islamskaja civilizacija v preddverii XXI veka (K 600-letiju islama v Sibiri)* [Islam, society, and culture: proceedings of the International conference: Islamic civilization on the eve of the 21st century (600th anniversary of Islam in Siberia)]. Omsk, TOO "Repro-text", 1994, pp. 140–142. (In Russian)

60. Sobolev V.I. *Istorija sibirskih hanstv (po arheologicheskim materialam)* [The history of Siberian khanates (on archaeological materials)]. Novosibirsk, Science, 2008. 356 p. (In Russian)

61. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranjashhihsja v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del* [Collection of state charters and treaties, stored in the State Collegium of foreign affairs]. Part 2. Moscow, 1819. 643 p. (In Russian)

62. Tataurov S.F., Korusenko M.A. *Istorija islama v Zapadnoj Sibiri: mezhdisciplinarnyj podhod k hronologii i periodizacii* [History of Islam in Western Siberia: a multidisciplinary approach to the chronology and periodization]. *Bylye gody* [Past years], 2015, vol. 38, part 4, pp. 798–807. (In Russian)

63. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [The Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and the Kuchumoviches in the struggle for revenge]. Moscow, Vostochnay literatyr Publ., 2012. 231 p. (In Russian)

64. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Alma-Ata, Gylym Publ., 1992. 296 p. (In Russian)

65. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian history from the discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons]. St. Petersburg, At the Imperial Academy of Sciences, 1774. 631 p. (In Russian)

66. Schiltberger I. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god* [Journey through Europe, Asia and Africa from 1394 po 1427]. Baku, Elm, 1984, pp. 35–36. (In Russian)

67. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek. Mezdu imperiey i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt* [Uzbek Khan. Between the Empire and Islam (patterns of everyday life). Compendium-book]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 400 p. (In Russian)

68. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania, University Press. 1994. 638 p.

69. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia. *Journal of the American Oriental Society*, 115. 4 (1995), pp. 619–634.

About the author: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

*Received December 13, 2018 Accepted for publication February 25, 2019
Published March 29, 2019*